

УДК 94(5)+94(519)+94(520)

Миграционный обмен между Кореей и Японией в рамках Японской колониальной империи (1910–1945 гг.) и его последствия*

К. В. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Миграционный обмен между Кореей и Японией в первой половине XX в. был одним из наиболее значимых факторов, влиявших на экономическую, социальную и политическую обстановку не только в Корее, но и в самой Японии. Статья посвящена изучению факторов, формировавших миграционные потоки между Кореей и Японией в рамках колониальной империи; раскрытию роли, которую играли мигранты (японцы и корейцы) в принимающем обществе, и обзору ряда проблем, порожденных миграционными процессами XX в., в современном японском и корейском обществах.

Ключевые слова: Корея, Япония, миграционные процессы, диаспоры, принимающее общество.

Проблема интеграции населения колоний и нововключенных регионов в общество метрополии, равно как и проблема взаимоотношений между господствующим в империи этносом (или нацией) и населением колоний, существует с того момента, когда появились первые империи. Особенность взаимоотношений японцев и корейцев в рамках Японской империи заключается в том, что Япония стала первой колониальной державой Восточной Азии. На рубеже XIX и XX в. ей первой удалось отменить неравноправные договоры с западными державами и значительно повысить свой авторитет как на Востоке, так и на Западе.

По ряду причин Корея не смогла пройти по тому же пути и попала под влияние Японии в конце XIX в. Особенности взаимодействия Японии и Кореи как метрополии и колонии заключались в наличии географической близости, а также в значительной культурной общности и давних исторических связях. Бывали и массовые переселения корейцев в Японию и японцев в Корею. Однако, начиная с XVII в., связи свелись к минимально необходимому обмену посольствами. Почти триста лет ни японцы, ни корейцы не покидали в массовом порядке своей родины. Ситуация радикально изменилась в 1876 г., когда Япония принудила Корею заключить неравноправный договор на острове Канхвадо. Русско-японская война 1904–1905 гг., оформление Японией

* Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0271.

Автор благодарит В. И. Дятлова и Бхавну Даве за ценные замечания при подготовке статьи.

протектората (1905 г.) и последующая аннексия Кореи в 1910 г. создали особую среду для межрегиональной миграции в рамках Японской империи.

Непохожесть японского колониализма на колониализм западный уже неоднократно отмечалась в работах отечественных и западных ученых. Цель данного исследования – выявить влияние взаимных миграционных потоков между Кореей и Японией на формирование внутриимперских отношений, проанализировать политику властей в этом направлении и ее последствия. Очень важна проблема «имперского наследия» в виде оставшихся после войны в Японии корейцев, численность которых составляет сейчас около 600 тыс.

Первая часть работы посвящена японцам в Корее, их взаимоотношениям с корейцами, а также политике японизации. Во второй части изучается корейская диаспора в Японии колониального периода. В заключение будет дано краткое резюме ситуации, сложившейся во второй половине XX – начале XXI в., так как именно в колониальный период были заложены те проблемы, которые определили дальнейшую судьбу японских корейцев (яп. *дзайнити те-сэндзин*, кор. *чэиль хангугин*).

Под диаспорой подразумевается «совокупность лиц, проживающих за пределами основного традиционного места расселения этноса, объединенная общим этническим самосознанием и сохраняющая свой этнический язык в качестве одного из средств общения» [3, с. 70].

Ряд проблем, связанных с участием японцев в модернизации Кореи, рассматривались в сборнике «Колониальная современность в Корее», вышедшем под редакцией Син Гиука и Майкла Робинсона, и работе Алексис Дадден «Японская колонизация Кореи: дискурс и власть». Проблемы ассимиляции корейцев хорошо описал Марк Каприо в книге «Японская ассимиляционная политика в колониальной Корее, 1910–1945». Стоит также отметить изданный в 1944 г. замечательный труд Андрея Гражданцева «Корея».

Японцы в Корее и их роль в колониальной политике Японии

Во второй половине XIX в. после насильственного «открытия» западными державами и начала реформ Мэйдзи для Японии было крайне важно самой поддерживать самостоятельные контакты с другими странами, в том числе и с ближайшими соседями. По образцу западных держав она отправила к берегам Кореи группу кораблей с солдатами на борту и принудила ее в 1876 г. заключить неравноправный договор. Впредь для свободной торговли с Японией были открыты Пусан, Вонсан (Гендзан) и Инчхон (Чемульпо). Японцы получили право экстерриториальности и право покупать землю в Корее. Именно с 1876 г. и начинается 70-летняя история крупной японской диаспоры в Корее.

Японские торговцы и промышленники первыми воспользовались плодами договора. В Пусане появился целый район, застроенный складами и домами в японском стиле. Вскоре схожий район появился и в Инчхоне. По словам многих западных путешественников, посещавших Пусан на рубеже XIX–XX вв., город выглядел совершенно по-японски, и японцев в нем было чуть ли не больше, чем корейцев [17]. Хотя утверждения о преобладании японского населения довольно сомнительны, вполне вероятно, что городское планирование в Корее с начала XX в. осуществлялось, преимущественно, японцами, либо при их активном участии. Например, современный южноко-

рейский город Тэджон вырос из небольшого поселения до крупного железнодорожного узла в первую очередь благодаря проложенной японцами железной дороге и своему стратегическому положению внутри страны.

С началом Русско-японской войны Япония высадил свои войска в Корею и полностью подчинила себе всю внешнюю и большую часть ее внутренней политики. В ноябре 1905 г. был оформлен договор о протекторате, действовавший до 1910 г. В 1907 г. был подписан кабальный договор, согласно которому по всем значимым внутривнутриполитическим решениям правительство Кореи обязывалось получать инструкции от генерал-резидента: реформы, принятие новых законов, назначение и увольнение высших чиновников. Судебная власть отделялась от административной, причем не менее половины служащих судебных и ряда административных органов должны были быть подданными Японии.

За счет почти полного контроля над Кореей Япония могла решать свои собственные проблемы – экономические, политические и социальные. Еще с конца XIX в. поощрялась, в частности, эмиграция в другие страны – Корею, Бразилию, США и т. д. Плюсы Кореи заключались в географической близости и неподсудности японцев корейским властям. Широкие возможности для скупки земли в Корею в форме «концессии» позволяли поощрять переселение обезземеленных крестьян.

С 1907 г. все больше японцев приходит в судебные и исполнительные органы власти. Алексис Дадден приводит данные, опубликованные в японской газете «Хорицу Синбун», в которых сравнивается количество японцев и корейцев, работавших в судебной системе: 116 японских судей против 66 корейских; 46 японских прокуроров и 12 корейских. Некоторый баланс был только среди секретарей судов: 153 японца и 141 кореец. Среди штатных переводчиков, по понятным причинам, преобладали корейцы [11, р. 115].

Если в 1898 г. в Корею проживало лишь около 15 тыс. японцев, то к 1910 г. их было уже более 170 тыс. Большая их часть принадлежала к бедным слоям населения. На эти 170 тыс. человек приходилось лишь 5600 домов. Что примечательно, стоимость земельных и лесных участков, принадлежавших японцам (частным лицам), оценивалась приблизительно в 10 млн иен, в то время как имущество 750 японских компаний в Корею оценивалось в 9,7 млн иен [12, р. 75].

После аннексии, в октябре 1910 г. первый генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ определил, что цель японского управления Кореей – «поддержание порядка» и «освоение естественных богатств» [6, с. 762]. С целью «освоения богатств» были изданы указы «О лесных запасах» (1911 г.), «О земельном обследовании» (1912 г.) и ряд других. По указу «О земельном обследовании» государственная собственность на землю заменялась частной, но только при наличии документов, подтверждающих право владения. Там, где документы отсутствовали, земли объявлялись собственностью генерал-губернаторства, и, как правило, продавались японским компаниям [6, с. 762].

Эти два указа оказались настоящей «бомбой» для социальной и демографической ситуации в Корею. Земельные отношения в корейских деревнях регулировались посредством обычного права и не фиксировались на бумаге. Из-за боязни повышения налогов крестьяне сознательно занижали в докумен-

тах данные по своим наделам. В результате множество корейских крестьян стали безземельными и превратились в арендаторов. М. Н. Пак пишет, что по результатам «земельного обследования» более 8,8 млн чонбо (~8,7 млн га) перешло под контроль генерал-губернаторства, что составляло почти 30 % земель Кореи, а впоследствии было передано японским компаниям, например «Восточно-колониальной», «Единой» или «Восточно-горной». Он же приводит данные из отчетов генерал-губернаторства о почти 20 тыс. «инцидентов» во время «земельного обследования» [6, с. 764].

Хотя корейцы и смотрели на японцев как на оккупантов, было распространено мнение о них как о представителях более развитой страны, которой следует подражать. Немало приезжавших в Корею японцев не отличались высокими моральными качествами. Зачастую, пользуясь своим правом экстерриториальности и защитой японской армии, они грабили и убивали корейцев. Масла в огонь подлило то, что в результате земельной реформы многие корейские крестьяне стали бесправными арендаторами, а японцы – их лендлордами.

Однако роль японцев не сводилась лишь к роли угнетателей и притеснителей. И до и, тем более, после аннексии в Корее сотни и тысячи японцев работали врачами и учителями. По официальным данным генерал-губернаторства Кореи, в 1911 г. в школах Кореи работали учителями 370 японцев и 888 корейцев [9, р. 204]. Со временем корейцев в школах работало все больше, однако на руководящие должности, как правило, назначались японцы. Кстати, замена японского директора корейским будет в 1920-х гг. одним из основных требований корейских школьников, которые даже устраивали забастовки по этому поводу.

После Первомартовского восстания 1919 г. генерал-губернаторство Кореи пошло на смягчение режима и провозгласило начало политики «культурного управления». Предусматривалось активное привлечение корейцев к работе в государственных учреждениях, полиции, школах. Это было необходимо еще и потому, что доля японцев в населении Кореи никогда не превышала 3 %, поэтому они физически не могли самостоятельно осуществлять управление. Вплоть до 1945 г. около половины всех японцев, проживавших за пределами Японских островов (но в пределах Японской империи), находились на территории Кореи. В 1915 г. таких было около 300 тыс. человек, а в 1939 г. – уже 650 тыс. [12, р. 76].

Одним из способов «связать вместе» корейцев и японцев были межнациональные браки. Японские власти относились к ним весьма благосклонно, во многом потому, что корейцы представлялись им наиболее близкими к японцам по «биологическим качествам» среди остальных представителей «желтой расы». Андрей Ланьков приводит пример подобного брака на «высшем уровне», призванного продемонстрировать «союз» Японии и Кореи: Ли Ын, сын ванна Кореи Кочжона, женился на японской принцессе Масако 28 апреля 1920 г. [5]. Однако, несмотря на упрощение процедуры, вплоть до конца 1930-х гг. ежегодно заключалось не более 1000 браков. Можно согласиться со словами Ланькова о том, что «ни корейцы, ни японцы не горели тогда особым желанием смешиваться: для корейцев японцы были наглыми

захватчиками-колонизаторами, а японцам корейцы представлялись этакими дикими аборигенами» [5]. Лишь в начале 1940-х гг. ситуация переменилась, чему поспособствовала массовая миграция корейцев в Японию. В те годы количество межнациональных браков исчислялось уже тысячами, однако заключались они, как правило, на территории собственно Японии.

Особенно активно японские власти пытались улучшить отношения между корейцами и японцами после трагедии Великого землетрясения Канто 1923 г. Генерал-губернатор Кореи Сайто Макото в ноябре 1924 г. заявил, что японские власти поддерживают «активную дружбу Кореи и Японии», «совместное обучение японцев и корейцев», «разъяснения, помогающие правильно понимать позицию корейцев», а также «развитие взаимной терпимости посредством поощрения контактов между корейцами и японцами» [10, р. 131]. Однако подобные меры не сильно улучшили японо-корейские отношения на бытовом уровне. По мнению японского исследователя Хасия Хироси (приведено по книге Марка Каприо), во второй половине 1920-х гг. около 80 % корейцев и японцев, проживавших в Корее, жили в отдельных, моноэтничных кварталах, предпочитая не соседствовать с представителями другой национальности [10, р. 133].

В целях пропаганды единства японцев и корейцев использовались довольно необычные методы. Например, в 1931 г., прославляя единство Кореи и Японии, был даже проведен конкурс красоты «Мисс Тесэн» («Мисс Корея»), тем не менее разделенный на две части – для японок и для кореянок [20]. Также 1930-е гг. характеризуются растущим интересом японцев к корейской культуре, особенно к песням. Известная корейская песня «Ариран» была переведена на японский язык и с успехом исполнялась на концертах или по радио японскими певцами.

Начало 1930-х гг. – 1945 г. ознаменовалось такой активизацией ассимиляционной политики, что в дальнейшем это время назвали «периодом радикальной ассимиляции». Ряд мер были направлены на создание у корейцев представления, что они почти японцы, но на данный момент – японцы второго сорта. С 1935 г. среди корейцев даже распространялась религия синто. Учитывая то, что подобную политику активно осуждали японские националисты и то, что до 1930-х гг. синтоизм не носил явного прозелитического компонента, можно утверждать, что распространение религии синто на корейцев и, с 1937 г., на тайваньцев было частью политики интеграции их в японское общество как подданных императора Японии. Однако даже по официальным данным генерал-губернаторства Кореи синто не было популярно среди корейцев – его исповедовала в среднем лишь 21 тыс. человек, вероятнее всего, по карьерным мотивам [12, р. 273].

Одним из основных препятствий при проведении ассимиляционной политики было плохое знание или даже полное незнание корейцами японского языка. Если в 1913 г. корейцев, понимавших японский, насчитывалось 92 тыс. человек (0,6 % от всего населения Кореи), то в 1939 г. – всего лишь 3069 тыс. человек (13,9 % населения). Хотя рост заметен в абсолютном исчислении, в относительном сравнении он очень мал. Впрочем, если взять од-

них мужчин, то окажется, что среди них японский понимала почти четверть. Корейские женщины, в основном проводившие свое время дома, обычно не обладали даже минимальными знаниями японского языка. Следовательно, в корейских домах говорили исключительно на корейском языке, а дети воспитывались под влиянием корейской культуры [12, р. 269].

Тем не менее, японские власти активно принялись создавать «новых» корейцев. В первую очередь активизировалась работа с молодежью. Доля уроков японского языка в школах неуклонно повышалась, а корейского уменьшалась [16]. За разговоры на корейском в школе и на учеников, и на учителей налагались штрафы. Хорошее знание японского языка поощрялось премиями. В 1938 г. было открыто около 3660 «пунктов изучения родного (т. е. японского) языка», предназначенных в первую очередь для взрослых [6, с. 811]. Однако результативность их работы была ниже ожидаемой. По сведениям Ф. И. Шабшиной, в начале 1940-х гг. многие корейцы считали, что «лучше молчать, чем говорить по-японски» [8, с. 56]. Видимо, японским властям не удалось добиться кардинальных перемен в «развитии взаимной терпимости и понимания между японцами и корейцами».

Проблема системы образования Кореи заключалась не только в низком уровне владения корейцами японским языком. Большой проблемой на протяжении всего колониального периода оставался слабый охват корейских детей общим образованием. Хотя за первые десять лет колониального периода количество учебных заведений начального и среднего образования выросло вдвое, этот рост обуславливался увеличением количества проживавших в Корее японцев. По данным корейских исследователей О Сонъчхоль и Ким Кисок, в период с 1912 по 1919 г. соотношение корейцев и японцев в начальных школах составляло 2:1, а в средних – 2,5:1,5. К тому же, в 1918–1919 гг. в средних школах соотношение сравнялось до 1:1 [16]. Напомним, по данным Андрея Гражданцева, который ссылается на официальную японскую статистику, количество японцев никогда не превышало 3 % от всего населения Кореи [12, р. 76]. Учитывая это, а также то, что в новооткрытых школах подавляющее большинство учителей составляли японцы и преподавание велось на японском, можно уверенно сказать, что колониальное образование было ориентировано преимущественно на японское население. Если в 1916 г. у японцев на 10 тыс. человек приходилось 1062 ученика начальной школы, то у корейцев – только 41.

Управленческие должности генерал-губернаторства Кореи занимали преимущественно японцы. Они составляли основную массу судебных служащих и около половины всей полиции. Корейцы могли рассчитывать лишь на низовые должности – переводчиков, референтов, секретарей, патрульных. Кореец-начальник был очень редкой фигурой, особенно в полиции и судах. По официальным японским данным, в 1919 г. в полиции служило около 8400 японцев и 8500 корейцев, а в 1930 г. – 11 400 японцев и 7400 корейцев [12, р. 257].

Подобное соотношение очень показательно, учитывая общее количество проживавших в Корее японцев: 1910 г. – около 170 тыс. чел. (1,3 % от всего населения Кореи); 1915 г. – 303 тыс. чел. (2,0 %); 1920 г. – 347 тыс. чел.

(2,2 %); 1925 г. – 424 тыс. чел. (2,2 %); 1930 г. – 500 тыс. чел. (2,5 %); 1935 г. – 583 тыс. чел. (2,7 %); 1939 г. – 650 тыс. чел. (2,9 %) [12, р. 76].

Доминирующим было положение японцев в экономике. Посредством так называемых колонизационных обществ или колонизационных компаний они распределяли земли, которые корейские крестьяне потеряли в результате земельной реформы. Крупные японские корпорации – «Ногути», «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» – черпали здесь минеральные ресурсы и дешевую рабочую силу. При этом в конце 1920-х – начале 1930-х гг. появилась прослойка корейских предпринимателей, успешно лавировавших между интересами японских корпораций и добившихся значительного влияния. Ярчайшими представителями этой группы были Ким Сонсу, его брат Ким Енсу, Чхве Джун, Хен Джунхо. Однако к концу 1930-х гг. доля корейских предпринимателей в общем объеме частного капитала составляла лишь 18 % [7, с. 116–120].

Капитуляция Японии в августе 1945 г. не спровоцировала погромов, хотя многие японцы не без оснований опасались за свою жизнь. Части японской армии старались не вмешиваться в происходящее и лишь обеспечивали безопасность японцев. Однако на юге они использовали 2–4 недели до высадки американских войск для вывоза японского населения, оборудования и ценных ресурсов. То, что не удавалось вывезти, уничтожали.

На севере, благодаря активному противодействию армии СССР, все ограничилось лишь вывозом японского населения в метрополию. Большая часть из почти 700 тыс. японцев покинула Корею вскоре после капитуляции. Некоторые временно остались, так как американские войска предпочитали японцев в качестве переводчиков, полицейских и чиновников. Тем не менее, к 1948 г. – году создания Республики Корея и КНДР – японцы были вытеснены из управления и общественной жизни, и в Корею их практически не осталось.

Корейская диаспора в Японии: проблемы интеграции в общество метрополии

В 1905–1910 гг. количество корейцев, приезжавших в Японию для учебы или на заработки, оставалось относительно невысоким и не могло сравниться с притоком японцев в Корею. Однако после аннексии Кореи в 1910 г. массовое обезземеливание заставило множество корейцев покинуть деревни в поисках лучшей жизни. Они шли в города, эмигрировали в другие страны или уходили в горы, где занимались подсечно-огневым земледелием. Те корейцы, которые решались на эмиграцию, направлялись, в большинстве своем, в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), чуть меньше – в Японию, и некоторое количество переселилось в Россию.

Таким образом, с 1910 г. корейская диаспора в Японии начинает активно расти. Ее численность выросла за 1913–1920 гг. с 3 тыс. до 40 тыс. человек. Корейцы в Японии встретили весьма неприязненное отношение. В них видели безграмотных, нищих «гастарбайтеров», которые отказывались от ассимиляции в японском обществе и предпочитали жить в «общинах» по несколько десятков, изредка по несколько сотен человек. Даже в официальных японских документах корейцы назывались «ленивыми», «тратящими свои свободные деньги на азартные игры и выпивку» [15, р. 31]. Подобное отношение не

сильно могли изменить образованные слои корейской диаспоры, так как с момента аннексии в 1910 г. доля корейских учащихся и интеллигентов среди всей корейской диаспоры в Японии стала неуклонно снижаться. Если в 1910 г. студенты составляли большинство корейской диаспоры в Японии, то к концу 1920-х гг. из 200 тыс. корейцев лишь около 9 тыс. были студентами [4]. Однако несмотря на свою немногочисленность, корейские студенты были политически активны. Они неоднократно организовывали митинги, пропагандирующие независимость Кореи, а в феврале 1919 г. несколько сотен человек даже вернулось в Корею для того, чтобы принять участие в Первомартовском движении [18, р. 172–176].

После жестокого подавления движения в Японии сформировался образ корейца как человека, всегда готового к мятежу, опасного для японского государства и вообще враждебного японцам. Это привело к еще одной трагедии. После Великого землетрясения 1 сентября 1923 г. и последующих пожаров пошла слухи, что местные корейцы готовят восстание, поджигают дома японцев и т. п. Местное полицейское начальство, доверившись непроверенной информации, решило «сработать на опережение». Было объявлено военное положение, в район Токио и Иокогамы были введены войска, власти начали формировать отряды самообороны. Хотя прямого приказа убивать не было, распространение директив о «бдительности в отношении корейцев и коммунистов» стало решающим фактором для начала массового психоза. Начались массовые избиения корейцев, в которых участвовали резервисты, члены молодежных обществ, обычные горожане, порой даже армия и полиция. Под горячую руку попали китайцы и те японцы, которые говорили с акцентом или на диалекте. Лишь к 5 сентября, после выступления премьер-министра Ямамото, накал антикорейских настроений несколько снизился. Число жертв избиений оценивается в 2–6 тыс. человек [2].

Такой неоправданной и бессмысленной жестокостью были возмущены и многие японцы, что увеличило количество сторонников равноправия корейцев. Правительство Японии решило взять курс на пропаганду сближения корейцев и японцев, пытаясь обосновать это исторической и культурной общностью. Если раньше целью Японии была «гармонизация отношений японцев и корейцев» [19, р. 8–12], то теперь ставилась задача «вливать корейцев в Японскую империю».

Несмотря на плохое отношение, все больше корейцев приезжали на заработки в Японию. Этому способствовала, в числе прочего, постепенная милитаризация и быстрый рост производства Японии в начале 1930-х гг. Если в 1920 г. количество корейских мигрантов в Японии едва превышало 40 тыс., то к 1930 г. оно достигло 420 тыс., а в 1940 г. превышало 1240 тыс. человек [14].

Начало войны с Китаем в 1937 г., а затем с США в 1941 г. принесли новые проблемы. В течение нескольких лет на Японские острова и Южный Сахалин в качестве мобилизованных рабочих было вывезено около 670 тыс. корейцев. Многие вскоре убегали с заводов из-за крайне тяжелых условий работы. В официальной статистике таких рабочих называли «удравшими». Если в 1939 г. из 19 135 приехавших сбежало 485 человек, то в 1943 г. из 300 654 приехавших сбежало уже 109 185 человек [8, с. 121].

Лишь небольшая часть корейцев уезжала, чтобы учиться в японских университетах, колледжах или военных училищах (с 1938 г. корейцам было разрешено служить в японской армии). По данным японского министерства внутренних дел, в 1938 г. корейских студентов и учащихся школ в Японии насчитывалось всего 12 356 человек из 799 878 проживавших в Японии корейцев. А в 1942 г. учащихся было около 300 тыс. человек из 1,5 млн [4].

Армия стала одним из элементов интеграции корейцев в японскую культуру. Поначалу корейцам было разрешено добровольно поступать на службу во вспомогательных подразделениях. В начале 1942 г. в Корее было введено обязательное военное обучение с последующей возможностью обучаться в японских военных академиях. Возможностью стать офицером воспользовалось немало корейцев, но отправлять их на фронт против Китая или США японцы не спешили. Основным занятием офицеров-корейцев была контрпартизанская борьба в Маньчжурии. Одним из них был будущий диктатор Пак Чонхи (отец президента Республики Корея Пак Кынхе), который после освобождения Кореи был принят в новую армию как опытный военный, затем был уволен, но снова вернулся в строй в связи с началом Корейской войны, а в 1961–1979 гг. возглавлял Республику Корея.

К августу 1945 г. в Японии проживало уже более 2 млн корейцев. Большинство из них работали на производстве или в сельском хозяйстве, и были привезены в Японию в рамках оргнаборов или насильственной мобилизации. Однако капитуляция Японии в августе 1945 г. кардинально изменила положение. И Япония, и Корея были оккупированы союзными войсками, а Япония потеряла все свои колонии. В результате этого в течение четырех месяцев после капитуляции более миллиона корейцев вернулись на родину. К концу 1945 г. в бывшей метрополии осталось около 900 тыс. корейцев [14].

Корейская диаспора в послевоенной Японии: эмиграция, ассимиляция или интеграция?

Политическая ситуация на Корейском полуострове во второй половине 1940-х гг. способствовала мощной миграции в Японию. В 1948 г. Корея разделилась на Север и Юг, после чего в обеих частях полуострова прошли политические чистки. В том же году началось восстание на острове Чеджудо, которое было подавлено с большой жестокостью, в результате чего погибло около 15 % населения острова. В 1948 г. только на территорию Японии с Чеджудо эмигрировало около 30 тыс. человек [14]. И наконец, в 1950 г. началась Корейская война, которая продлилась три года.

После Сан-Францисского мирного договора 1952 г. корейцы, приехавшие в Японию до 2 сентября 1945 г. и их дети, родившиеся до 29 апреля 1952 г., считались иностранными резидентами и не могли считаться японскими гражданами. Это породило большую проблему, которую Япония решает до сих пор. Около 700 тыс. корейцев стали «негражданами», апатридами. Неудивительно, что около 80 тыс. человек поддались пропаганде КНДР и в конце 1950-х – начале 1970-х гг. эмигрировали на Север. В КНДР эмигрировали и 6 тыс. граждан Японии (в основном корейского происхождения) [14]. Этот миграционный поток контролировался Ассоциацией северокорейских граждан в Японии (или Чочхоннен) – общественной организацией, созданной в

1955 г. под контролем КНДР. Вплоть до наших дней КНДР и Япония официально не имеют дипломатических отношений, поэтому Чочхоннен, насчитывающая более 100 тыс. членов, фактически является представителем КНДР в Японии. Миграционный поток из Японии в Южную Корею был намного слабее, что объяснялось тем, что до конца 1970-х гг. уровень экономического развития Южной Кореи был ниже, чем у Северной, и намного ниже, чем у Японии.

Во многом из-за сложившегося в колониальные годы стереотипа о корейце как о малограмотном и ленивом рабочем и после войны в японском обществе ко многим корейцам относились как к трудовым мигрантам и криминальным элементам, которые лишь «по недоразумению» до сих пор находились в Японии. Отношение к японским корейцам (яп. *дзайнити тесэндзин*, кор. *чэиль хангугин*) можно сравнить с отношением к буракуминам – потомкам средневековой касты «нечистых». И те, и другие подвергаются дискриминации до сих пор. Они выполняли грязную работу, многие ушли в криминальный мир. Судя по воспоминаниям, которые собрала американская исследовательница Хильди Кан, корейцы входили в ряды якудза еще в 1930-х гг. [13, р. 30–31]. На рубеже XX и XXI в. японские корейцы составляют до половины членов в ряде группировок якудза. Преимущественно корейцы являются владельцами залов игровых автоматов *патинко*, которые зачастую используют якудза для отмывания денег.

Улучшению положения *дзайнити* во многом способствовало налаживание связей между Японией и Республикой Корея, которые заключили в 1965 г. договор о нормализации отношений. Однако лишь в начале 1990-х гг. эти отношения нормализовались настолько, чтобы Япония расширила возможности получить школьное образование для корейских детей (например, получать образование на корейском языке), а Корея сняла запрет на кинопрокат японских фильмов и продажу японских книг и манга.

К 2012 г. среди почти 600 тыс. корейцев 80–90 % были женаты/замужем за гражданином Японии. Но это не всегда давало им право на гражданство. Однако дети, родившиеся в результате такого брака, получают японское гражданство. Те корейцы, кто до сих пор не получили гражданство, считаются «особыми постоянными резидентами» (по договоренности с Республикой Корея в 1991 г.) и имеют отдельные документы, схожие с «карточкой иностранца» (Alien Card). Получившие японское гражданство имеют возможность оставить себе корейское имя (записанное иероглифами), и часто пользуются этим. Ранее именно обязательная смена имени была одной из причин отказа от получения японского гражданства. В Республике Корея натурализация предполагает обязательное получение корейского имени.

По официальным данным Министерства юстиции Японии за 2011 г., на территории Японии проживали 385 232 человека со статусом «особый постоянный резидент». Всего же корейцев, в том числе с гражданством РК и КНДР, было зарегистрировано 545 401 человек [22].

Так как свежие статистические данные по КНДР недоступны, мы не обладаем точными и заслуживающими доверия сведениями о количестве этнических японцев, проживающих в Северной Корее. Что же касается японцев, проживающих в Республике Корея, то, по данным Миграционной службы РК

по состоянию на март 2013 г., в РК на долговременной основе (вид на жительство или более чем по шестимесячной визе) проживало около 23 тыс. японских граждан [21].

***

Японцы оставили значительный след в культуре, политике и экономике Кореи. И после 1945 г. японское колониальное наследие сыграло немалую роль, преимущественно на Юге. Модернизационные процессы в политике, экономике и социальной сфере, которые проводили японские власти, в том числе посредством японцев, проживавших на полуострове, во многом способствовали выходу Кореи на совершенно иной уровень развития. Однако эти процессы не смогли скрыть основного назначения Кореи в глазах японских властей – быть ресурсной базой для обеспечения имперских замыслов Японии. Ужесточение режима в конце 1930-х гг., экономическое ограбление Кореи на протяжении всего колониального периода, проведение политики радикальной ассимиляции, вкупе с зачастую высокомерным и пренебрежительным отношением японцев к корейцам – все это были лишь наиболее заметные факторы, сформировавшие у корейцев крайне неприязненное восприятие японцев и всего японского.

Немало корейцев, сотрудничавших в свое время с японцами и настроенных прояпонски – чиновники, бизнесмены, интеллигенция, – на Юге Кореи сумели избежать репрессий в первые годы после Освобождения 1945 г. и впоследствии участвовали в формировании политической и экономической системы Республики Корея. Степень их влияния на развитие и формирование Республики Корея является отдельной и весьма сложной проблемой. Отчасти она затронута в работе К. В. Асмолова [1].

В настоящее время в Республике Корея и КНДР японцы не составляют сколько-нибудь значимой диаспоры. При этом на взаимоотношения корейцев и японцев до сих пор влияет их оценка периода колониального господства Японии над Кореей. И если в КНДР колониальный период рассматривается однозначно отрицательно, то в Республике Корея с момента ее создания в 1948 г. не прекращаются споры о степени влияния Японии и японцев на историю Кореи, а также об оценке деятельности тех корейцев, которые сотрудничали с японскими властями.

Для корейцев в условиях Японской империи существовали как проблемы, связанные с их дискриминацией и униженным положением, так и возможности для повышения своего статуса и благосостояния. Достаточно подробно в исторической науке России, Кореи и других стран описаны бедствия корейского народа, которые принес ему японский империализм. Но нельзя отрицать при этом и определенного положительного влияния Японии. По нашему мнению, вопрос – могло ли быть в долгосрочной перспективе самостоятельное развитие Кореи более успешным, чем в качестве части Японии – так и останется без ответа. По той причине, что для ответа потребуется слишком сильно упростить множество факторов и исторических обстоятельств. Безусловно, внешняя политика Японии в первой половине XX в. носила довольно агрессивный характер, и вполне можно оспаривать законность включения Кореи в состав Японии. Колониальная политика Японии в Корее пре-

следовала в первую очередь интересы собственно Японии. Однако было бы заблуждением считать, что в рамках Японской империи интересы Японии *всегда* противоречили интересам Кореи или корейцев.

До недавнего времени Южная Корея в процессе экономической модернизации во многом ориентировалась на японский опыт. Но важен и всплеск интереса корейцев к японской культуре в 1990-х гг. В Японии за последние 20 лет сильно вырос интерес к корейской культуре, в том числе к корейским сериалам, поп-музыке и другим элементам *халлю*, «корейской волны» (неологизм, описывающий взрывной рост интереса к современной корейской культуре). Во многом именно благодаря сентиментальным корейским сериалам, которые стали популярны в Японии, японские стереотипы о корейцах (в общем) и о *дзайнити тесэндзин* (в частности) подвергаются постепенной трансформации. Можно надеяться, что взаимный культурный интерес корейцев и японцев все же пересилит сохранившиеся до наших дней политические противоречия касательно проблем колониального периода Кореи, которые до сих пор являются болевой точкой японо-корейских отношений.

1. *Асмолов К. В.* Корейская политическая культура: Традиции и трансформация / К. В. Асмолов. – М. : ИДВ РАН, 2009. – 484 с.
2. *Гайкин В. А.* Массовые убийства корейцев в Японии в 1923 г. и роль полиции (к 90-летию погромов) [Электронный ресурс] // *ВВ: Рос. полицейское право.* – 2013. – № 2. – URL: http://e-notabene.ru/pm/article_782.html
3. *Жеребило Т. В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с.
4. *Ким Г. Н.* Корейские студии в Японии [Электронный ресурс]. – URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/151517.shtml (дата обращения: 17.02.2009)
5. *Ланьков А. Н.* Корейско-японские браки [Электронный ресурс] // *Сеульский вестн.* – URL: <http://vestnik.kr/articles/gorizonty/2910.html> (дата обращения: 26.01.2008)
6. *Пак М. Н.* История и историография Кореи / М. Н. Пак. – М. : Вост. лит., 2003. – 911 с.
7. *Тихонов В. М.* История Кореи : в 2 т. Т. 2. / В. М. Тихонов, Мангиль Кан ; ред., пер. с кор. Т. М. Симбирцева, В. М. Тихонов. – М. : Наталис, 2011. – 499 с.
8. *Шабшина Ф. И.* В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца / Ф. И. Шабшина ; отв. ред. Ю. В. Ванин. – М. : Наука, 1992. – 285 с.
9. *Annual report on reforms and progress in Chosen (1910–11) / by Gen.-Gov. of Chosen.* – 1911.
10. *Caprio M.* Japanese assimilation policies in colonial Korea, 1910–1945 / Mark E. Caprio. – Seattle : University of Washington Press, 2009. – 320 p.
11. *Dudden A.* Japan's Colonization of Korea: Discourse and Power / Alexis Dudden. – Honolulu : University of Hawaii Press, 2006. – 215 p.
12. *Grajdanzev A.* Modern Korea / Andrew J. Grajdanzev. – New York : Institute of Pacific Relations, 1944. – 330 p.
13. *Kang H.* Under the black umbrella: voices from colonial Korea, 1910–1945 / Hildi Kang. – N. Y. : Cornell University Press, 2001. – 166 p.
14. *Korean Permanent Residents in Japan* [Electronic resource] // *Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan.* – Center for US-Japan Comparative Social Studies. – URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html

15. *Mitchell R. H.* The Korean Minority in Japan // Center for Japanese Studies, UC Berkeley. – Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1967. – 186 p.

16. Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // *Asia Pacific Review*. – Seoul, 2000. – Vol. 1, N 1. – P. 75–89.

17. *Schmid A.* Two Americans in Seoul: Evaluating an Oriental Empire, 1905–1910 // *Korean Histories*. – Vol. 2.2. (2010). – P. 7–23.

18. Society and the state in interwar Japan / edited by Elise K. Tipton. – London ; N. Y. : Routledge, 1997. – 272 p.

19. The New Administration in Chosen / Government-General of Chosen. – Seoul, 1921. – 111 p.

20. Мэиль синбо. – 1931. – 22 окт.

21. 2013.03.31 Хендже дыньноквегугин хенхванъ (чиекпель. кукчокпель (Текущий статус зарегистрированных иностранцев (по регионам и гражданству) по состоянию на 31 марта 2013) [Электронный ресурс] / Миграционная служба Республики Корея. – URL: http://immigration.go.kr/HP/COM/bbs_003/ListShowData.do?strNbodCd=noti0097&strWrtNo=114&strAnsNo=A&strOrgGbnCd=104000&strRtnURL=IMM_6070&strAllOrgYn=N&strThisPage=1&strFilePath=imm/ (дата обращения: 17.04.2013).

22. Тодо: фукэн бэцу дзайрю: сикаку (дзайрю:мокутэки) бэцу гайкокудзинто:рокуся (соно 2 канкоку, те:сэн) = Зарегистрированные иностранцы по префектуре и статусу пребывания (часть 2 РК, КНДП) [Electronic resource] / E-Stat, Портал официальной статистики Японии. – URL: <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001089591>

Migration Flows between Korea and Japan in the Framework of the Japanese Colonial Empire (1910–1945) and Its Aftermath

K. V. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Migration exchange between Korea and Japan in the first half of the XXth century was one of the most significant factors that influenced economic, social and political situation not only in Korea but also in Japan. This article examines the factors that formed migration flows between Korea and Japan in the framework of the colonial empire. Besides it clarifies the migrants' role (the Japanese and Koreans) played in the receiving society, as well as it reviews a number of problems caused by immigration processes of the XXth century in the modern Japanese and Korean societies.

Key words: Korea, Japan, immigration processes, diasporas, receiving society.

Иванов Константин Владимирович – аспирант, преподаватель кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, тел. 8(3952)241974, e-mail: yangirk@gmail.com

Ivanov Konstantin Vladimirovich – Post-graduate student, Lecturer of the Department of World History and International Relations, Historical Faculty, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)241974, e-mail: yangirk@gmail.com